

7 октября 2026 г. в ИМЛИ РАН прошел круглый стол
«Проблемы историко-литературного и реального комментария к произведениям
русской литературы 1920-х — 1930-х годов», проведенный по гранту
Российского научного фонда № 25-28-02407
«Творчество И.Э. Бабеля 1930-х гг.: исторический и биографический контексты».

Рассказам И.Э. Бабеля 1930-х гг. было посвящено два доклада.

Г.С. Жарников (ИМЛИ РАН) показал, как в рассказах о коллективизации «Гапа Гужва» и «Колывушка» исторические реалии становятся основой для создания художественных образов; особое внимание было уделено роли и месту звука в образной системе «Гапы Гужвы», а также изображению процедуры раскулачивания и семантике финала «Колывушки».

Е.И. Погорельская (ИМЛИ РАН) остановилась на проблеме датировки рассказа «Гюи де Мопассан». После публикации рассказа в № 6 журнала «30 дней», на встрече с комсомольским активом журнала «Смена», Бабель, оправдываясь за далекое от проблем современности произведение, сказал о том, что оно относится к 1920–1922 гг. Однако факты биографии писателя, в первую очередь работа в 1926–1927 гг. над подготовкой и выпуском трехтомного собрания сочинений Г. де Мопассана и переводов трех рассказов («Идиллия», «Признание», «Болезнь Андре»), а также его письма и эго-документы современников дают возможность датировать рассказ более поздним временем.

В нескольких докладах освещались проблемы комментирования романов 1920-х — 1930-х гг.

О структуре и главных аспектах научного комментария к роману А.Н. Толстого «Восемнадцатый год» рассказала Г.Н. Воронцова (ИМЛИ РАН). Научный комментарий к роману состоит из пяти разделов: библиографического, историко-литературного, текстологического, критического и реального. В текстологическом комментарии акцент сделан на воспроизведении смысловых и политических исправлений и тех больших фрагментов, которые были исключены писателем из текста. Толстой не был на фронтах Гражданской войны, и, например, основным источником сюжетной линии пребывания Вадима Рощина в Добровольческой армии послужила работа А.И. Деникина «Очерки русской смуты».

Т.Ю. Кравченко (Институт славяноведения РАН) проследила прямые текстуальные совпадения в двух произведениях К.А. Федина: романе «Братья» (1927) и основанной на документальном и мемуарном материале книге «Горький среди нас» (1944). В этих двух произведениях легко прослеживаются прямые текстуальные совпадения: текст мемуаров «подсказывает», кто из героев этой книги был прототипом персонажей в «Братьях». Федин сначала пишет роман, а потом, используя отрывки из «Братьев» как «заготовки», вставляет их в мемуары. Персонажей, имеющих в романе прототипы, можно разделить на три группы: почти идентичное текстуальное совпадение при описании портрета и манеры поведения эпизодических персонажей; частичное соответствие прототипа и персонажа первого ряда; слияние прототипа и персонажа первого ряда.

Е.А. Папкова (ИМЛИ РАН) говорила об историко-литературном комментарии к неопубликованному роману Вс.В. Иванова «Багровый закат» (1933–1934), который писался как редакция философско-сатирического романа «У». Герой обеих редакций Черпанов и новый персонаж, инженер Николай Вовкун, уже не просто авантюристы, а вредители на большом металлургическом заводе в Донбассе. Политическая программа Вовкуна напрямую соотносится с планами «Промпартии», какими они были представлены во время и после

процесса. Изначально, перерабатывая роман «У», Иванов не предполагал вводить в него тему вредительства. Судя по источникам текста, первая глава о Гитлере появилась только на последнем этапе работы над романом в начале 1934 г., когда для Иванова, внимательно следившего за внешней политикой страны, война представлялась более чем возможной.

П.Н. Рыбкин (независимый исследователь) остановился на некоторых особенностях реального комментария к роману Вс.В. Иванова «У», а именно на необходимых комментариях к комментариям и примечаниям, принадлежащих самому автору и являющихся частью текста романа.

Доклад Е.В. Ярковой (Научно-исследовательский Томский государственный университет) был посвящен проблемам датировки и научного комментирования неопубликованного англоязычного перевода первого тома романа-эпопеи Г.Д. Гребенщикова «Чураевы», выполненного Н.Н. Селивановой. Отдельное внимание было уделено проблемам реального комментария к переводу. Сопоставление оригинала и перевода показывает, что пояснительные сноски Н.Н. Селивановой, ориентированные на англоязычного читателя, сами становятся значимым источником для современного научного комментария.

О.В. Быстрова (ИМЛИ РАН) посвятила доклад статье М. Горького «О цинизме: Ответ корреспонденту», опубликованной 30 января 1931 г. в газетах «Правда» и «Известия» и представляющей собой политический памфлет. Основное содержание статьи Горького укладывается в пять смысловых блоков: 1) прямой ответ корреспонденту, в котором даются характеристики себе и своим оппонентам; 2) историческая ретроспектива — обращение к своей статье «О цинизме», опубликованной в 1908 г.; 3) обличение цинизма буржуазного мира, пораженного экономическим кризисом, коррупцией власти, моральным разложением и нежеланием Запада видеть и знать правду о СССР; 4) критика абстрактного гуманизма и предупреждение о новой мировой войне; 5) учение о «двух правдах» — старой, мещанско-декадентской, и новой, пролетарско-советской, которую писатель выбирает сознательно. Главным вопросом при комментировании является вопрос о том, кем был корреспондент с инициалами «П. Н.». Пока он остается неизвестным, но, вполне вероятно, принадлежал к так называемым «механическим гражданам» из одноименной статьи Горького 1928 г.

Е.В. Кудрина (ИМЛИ РАН) показала, что редакторская работа Горького дает богатый материал для научного комментария, позволяющий изучить творческую лабораторию писателя, понять логику его правки и то, как она связана с его взглядами, издательскими проектами и контекстом эпохи. Примером редакторской работы Горького, требующей научного осмысления, служит история издания детской сказки А. Франса «Пчёлка». Помимо корректорской правки опечаток и ошибок набора Горький редактирует текст, делая его более живым и образным, понятным ребенку. В целом редакторская работа писателя была направлена на улучшение качества переводной книжки.

В докладе Е.А. Беликовой (ИМЛИ РАН) рассматривался издательский проект Горького — журнал «Наши достижения», выходивший с января 1929-го по май 1937 г. и посвященный успехам СССР в науке, технике, сельском хозяйстве, культуре. Были проанализированы читательские анкеты 1935 г. Наиболее удачными, по мнению читателей, стали очерки М. Пришвина «Берендеева чаща», Е. Вихрева «Палех», В. Бобрышева «Счастье быть молодым», Л. Овалова «Трудности любви» и др. Среди лучших выпусков 1935 г., посвященных одной теме, были указаны, например, № 5–6, посвященный Палеху и его художникам, № 10 — о жизни молодежи, «ровесниках Октября», а также № 9 — о советской Чувашии. Особый вопрос в анкете был связан с отделом «Критика очерковой литературы», появившимся в «Наших достижениях» именно в 1935 г. Авторы делились собственным опытом, вели дискуссии о

творческом методе и продолжали деятельность Горького по изменению статуса очерка из «второсортного» в полноценный жанр художественной прозы.

А.Г. Гачева (ИМЛИ РАН) рассказала о творческой истории одного из важнейших текстов литературно-эстетического наследия В.Н. Чекрыгина — «О Соборе Воскрешающего Музея», неразрывно связанного с идеями Н.Ф. Федорова, с актуальной рецепцией и переработкой его воскресительной эстетики. В художественном и графическом творчестве Чекрыгина этой рукописи соответствует серия фресковых композиций, объединяемая обыкновенно искусствоведами под заглавием «Воскресение мертвых», но в реальности представляющая собой графические эскизы к росписи проективного Храма-Музея. В поисках формы своего сочинения Чекрыгин обращается к ритмизованной прозе, активно использует поэтику библейских текстов. Еще одним источником формирования замысла и формы текста «О Соборе Воскрешающего Музея» стали опубликованные в 1919 г. в сборнике «Русские пропилеи» записи А.Н. Скрябина.

В докладе о комментировании подписей В.В. Маяковского к картинкам «Сегодняшнего лубка» Н.В. Михаленко (ИМЛИ РАН) остановилась на одном из самых ярких его лубков «Немец рыжий и шершавый...», сюжет которого связан с иконографией змееборца Георгия Победоносца, но вызван конкретными военными и общественными событиями.